

**Казакхстанская**

**Трасса**

## Золото предков

Экскурсия по залу, где выставлено археологическое золото Казахстана, оказалась захватывающе интересной, а история экспонатов – почти детективной.



### Гвоздь выставки – диадема

Здесь собрана самая, наверное, ценная в историческом и материальном плане коллекция, датируемая VIII–V веками до н. э. Украшением и гордостью «Открытого фонда», более того, брендом исторического Казахстана, как подчеркнула научный сотрудник отдела археологии Ольга Мякишева, называют каргалинскую диадему, обнаруженную в 1939 году в ущелье Каргалы. Диадему считают лучшим образцом среди находок мировой археологии, а ее историческое значение – перешагнувшим за пределы истории Жетысу. Ее изящной красотой любовались не только в нашей стране, но и за рубежом: драгоценный экспонат становился гвоздем выставочных программ в различных государствах Европы, Азии, США. Сейчас музей готовится повезти диадему на выставку в Кыргызстан.

Каргалинский клад предстал миру совершенно случайно. Однажды местный житель слесарь Каргалинской суконной фабрики по фамилии Назаренко и гостивший у него, судя по всему, родственник, работавший монтером Московского завода имени Калинина, некто Семин отправились на охоту. Спасаясь от дождя, они укрылись в небольшой пещере, где и увидели в грязи под ногами золотые изделия.

– Под крупным обломком скалы, образовавшим пещеру, скрывались женское погребение и свыше 300 золотых изделий, инкрустированных бирюзой, кораллом и сердоликом, в том числе бляшки в форме удлиненных капель с изображениями архара и дерева жизни, – продолжила экскурсию Ольга Александровна. – Инкрустация,

пришедшая в III веке до нашей эры на смену скифо-сибирскому, так называемому звериному стилю, служит свидетельством высокого ювелирного мастерства древних усуней.

Знаменитую диадему, ее хозяйку и древних усуней, изготовивших это украшение, прославил писатель Юрий Домбровский, оставивший такие строки: «...в глухом урочище, на берегу грязной речонки, под огромными голубыми валунами спала уже второе тысячелетие та, которая когда-то была первой красавицей, принцессой, невестой, а может быть, еще и колдуньей».

Официальное сообщение музея гласит, что в расщелине скалы в горах Заилийского Алатау находилось погребение жрицы, датированное II веком до н. э. – I веком н. э. и получившее название Каргалинского клада по месту находки – ущелью Каргалы: «Наиболее интересной находкой в погребении жрицы является золотая диадема, служившая украшением ритуального головного убора. Сохранились два боковых фрагмента диадемы, центральная часть ее отсутствует. Вероятно, изображения на диадеме – птицы, звери, фантастические мужские и женские персонажи – отражают шаманистические представления о высших божествах «неба» и «земли». Каргалинская женщина, судя по ее атрибутам, считалась наделенной сверхъестественными способностями и знаниями и исполняла в обществе роль божественной вестницы».



## **Рожденный под небом Жетысу**

Сухо и понятно. Тем не менее многие события вокруг жрицы до сих пор окутаны тайной. Звучали предположения, что она, может, и не жрица вовсе, а диадема – не ритуальное, а свадебное украшение. В таком случае, почему невеста умерла так рано? Болела? Или ее убили? А может, все прозаичнее: украшения украли служанка и при побеге погибла в горном ущелье? Обнаруженные в ущелье Каргалы костные останки оказались в сильно потревоженном состоянии, а череп и вовсе утерянным. Вследствие этого определить, кто был захоронен – женщина или мужчина, не представляется возможным. Поэтому прозвучало

очередное предположение, что диадема вовсе не женское, а мужское украшение.

В 1939 году, когда был найден клад, Юрий Домбровский работал хранителем в фонде археологии музея. В те годы Центральный государственный музей располагался в здании нынешнего Вознесенского собора, отнятого советской властью и в 1995 году возвращенного Православной церкви Казахстана Первым Президентом страны. Итак, писатель утверждал, что изделия из Каргалы – это работа усуньского мастера, подлинного предка казахских умельцев. А о рогатом драконе с диадемы он писал, что такого персонажа нигде больше не увидишь: «...Он рожден не под небом Индии или южного Китая, а где-то около теперешней Алма-Аты. У индийских и китайских драконов стать гадючья, змеиная, это же – кошка, тигр, и хвост у него тоже тигриный, пушистый, вздрагивающий. Такие тигры еще в тридцатых годах рыскали в балхашских тростниках. Впрочем, это, может, и не тигр вовсе, а снежный барс, который до сих пор изредка спускается с горных перевалов и появляется подчас под самой столицей. А рог у этого дракона совсем как у архара... Рядом же, как будто на капители колонны, стоит ладный крылатый конек, только совсем не Пегас, а опять-таки нечто совершенно местное – суховатая небольшая лошадь Пржевальского».

Думается, поэтому аналогии, проводимые с Ираном (крылатый конь), Китаем (дракон), писатель считал не очень доказательными.

### **Оседлавший крылатого дракона**

Один из английских ученых, по словам Ольги Мякишевой, утверждал, что на каргалинской диадеме должно быть древо жизни и ее кульминацией – сидящий человек. На ней действительно изображен человек, сидящий, однако, на крылатом драконе. Рядом – другие животные и всадники: кто-то из них на хищной кошке, другой на лани, третий на коне, есть оседлавший горного козла.

– Некоторые исследователи полагают, что эти сюжеты навеяны иранской культурой, другие усматривают влияние греко-бактрийцев, – сообщила экскурсовод. – В отличие от них казахстанский ученый Алишер Акишев трактует изображения даосскими верованиями, согласно которым человек, оседлавший крылатого дракона, должен улететь в райский сад. Там он вкусит лечебную траву линжи, которая исцелит и даст бессмертие. Поэтому родилась гипотеза, что диадема могла принадлежать китайской принцессе, которая вышла замуж за усуньского правителя.

Вместе с диадемой загадку представляют два перстня с изображениями верблюдов, инкрустированных бирюзой, серьга, на которой, как считалось первоначально, крыса терзает человека. Однако крыса и человек несоразмерны, поэтому, по мнению Алишера Акишева, на серьге изображено, скорее, нападение кабана на человека, что вполне может соответствовать одной из дошедших до наших дней мифологий.

От множества гипотез красота каргалинских изделий ничуть не потускнела: специалисты называют их высоким искусством усуней. «Археологи, к сожалению, еще не раскопали мастерскую, где могли изготавливать такую филигранную красоту, – добавила Ольга Александровна. – Поэтому мы не можем точно сказать, какие инструменты для этого применялись».

В нынешнем году, по ее словам, ученые из Института археологии вновь изучили место Каргалинского клада. И утвердились во мнении, что это был курган. Талые бурные воды, какие бывают в горах, за века размыли его, и над ним навис огромный валун, образовав небольшую пещеру. В ней в 1939 году укрылись от дождя слесарь и монтер.



## Пектораль для сакского воина

Следует добавить, что коллекции археологического золота были организованы по инициативе директора музея Нурсана Алимбая. Ведущее место, помимо каргалинских изделий, в драгоценной экспозиции занимает золото из Жалаулинского, Покровского кладов, которое свидетельствует о культурной традиции ранних кочевников и их почитании золота. Экскурсовод сообщила, что у древних саков цвет золота отождествлялся с солнцем, которому они поклонялись. И когда их предводитель выходил в одеянии из золота, то в глазах подданных он представлялся самим солнцем или, в крайнем случае, его посланником.

Находки Жалаулинского клада (территория Жетысу), относящиеся к VIII–VII векам до н. э. – эпохе саков, поражают богатством фантазии, художественным вкусом и высоким уровнем изготовления. Все эти изделия из глубины веков предстают нашему взору в первозданном виде. В 1988 году Жалаулинский клад также был обнаружен случайно: его нашли сельские дети на обочине дороги, в арыке, размытом талыми водами. Золотые предметы лежали в войлочном мешке, зарытом в землю черным копателем. Судя по состоянию мешка, ограбление произошло, скорее всего, в начале XX века, а предметы в нем оказались из разграбленных сакских курганов Кегенской долины, бывшей одним из центров обитания древних саков. Но почему горе-археолог не вернулся за золотом? Может, он погиб от рук большевиков или белогвардейцев, чья власть в те годы менялась чуть не каждый день? Или же он едва спасся, успев эмигрировать, но не захватив мешок? История скрыла от нас очередной детектив.

– К Жалаулинской находке я имела отношение, – поделилась воспоминаниями Ольга Александровна. – В 1988 году меня, молодого специалиста, во главе с начальником отдела археологии нашего музея отправили в поселок Жалаулы, где в тот год местные школьники, играя на обочине дороги в арыке, увидели странные золотые предметы и растащили их. Когда власти узнали об этом, то соответствующие органы прошли по домам сельчан и собрали большую коллекцию из 627 изделий.

Самой крупной среди них оказалась пектораль – нагрудное украшение сакского воина в виде массивной золотой пластины лунообразной формы. Сегодня она занимает особое место в коллекции из Жалаулы. Ее поверхность украшают золотая зернь и миниатюрные фигурки архаров с гнездами для вставки камней. Сверху на пектораль напаяны тончайшие золотые конические проволочки, имитирующие шерсть.

Кроме того, в музей привезли обоймы, которые, по словам экскурсовода, предположительно были деталями конской сбруи.



### **Царь и чудовище**

Царские курганы саков, населявших Восточный Казахстан в VIII–III веках до н. э., тоже «поделились» с музеем своими сокровищами. К примеру, это золото из кургана Чиликты, что в Зайсанской котловине. Археологи полагают, что чиликтинские украшения могли служить декором одежды знатного усопшего или его погребального покрывала. Всего в этом кургане покоились 4 263 золотых украшения из самородного золота высокой пробы (от 90 до 95%), инкрустированные бирюзой и изготовленные в технике литья,ковки, пайки, прокатки. Среди них есть изображения грифонов, горных козлов и оленей.

Наследием высокого искусства наших предков следует назвать и золотые изделия из могильника Тарасу Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области, датируемого VII–VI веками до н. э. Это литая скульптура хищника, серьги с навесками, пуговицы с петлей на обороте. Ученые связывают находки из курганов Горного Алтая (Берель, Тарасу, Пазырык, Ак-Алаха) с племенами, известными в античных источниках под названием «стерегущих золото грифов».

Великолепным образцом ювелирного искусства древних савроматов стали золотые украшения из Второго Покровского кургана, который датируется V веком до н. э. и находится в 15 км от села Покровка Актюбинской области. В 1911 году крестьяне хищнически разграбили это царское захоронение. После них остатки кургана в том же году

исследовал ученый секретарь Оренбургской архивной комиссии по фамилии Кастанье. В итоге о богатом женском погребении сегодня свидетельствуют лишь около 30 золотых украшений: бусы из сердолика, халцедона, веточка коралла, монета, фрагменты туалетного сосуда из финикийского стекла, клыки хищников, оправленные в золотой колпачок, бронзовые наконечники стрел.

Помимо украшений местного савроматского производства, в Покровском кургане вместе с царской особой были захоронены и привозные предметы. Среди них интересна ахеменидская печать из халцедона в золотой оправе. На ней изображена сцена сражения царя и чудовища – грифона с птичьими когтями. Этот ближневосточный импорт наглядно говорит о тесных культурно-экономических связях кочевников Западного Казахстана с ахеменидской Персией, которые осуществлялись через среднеазиатские сатрапии Ахеменидов.

Не менее захватывающие воображение образцы ювелирного искусства саков из Приаралья представляет золото из некрополя Чирик-Рабат (I–IV века н. э.) и Кылышжара (III–I века до н. э.). А вот сакские изделия, которые хранились в вечной мерзлоте на высоте 2 тыс. м над уровнем моря в кургане Берель в Восточном Казахстане, можно увидеть только в виде копий.

Завершают экспозиции «Открытого фонда» золотые и серебряные изделия XIX века. Для посетителей они всегда готовы раскрыть свою не менее интересную и драматичную историю, ставшую весомой частью всемирной летописи искусства.

**АВТОР:**

Раушан Шулембаева, Алматы